БЛОГИ

Когда подводит зрение. Светлана Прокопьева – о непредрешенности истории

Светлана Прокопьева

20 ноября 2026

Любая катастрофа задним числом становится неизбежной. Оглядываясь назад, мы видим все закономерности, причины и предпосылки – да как можно было этого не замечать, ведь все к тому и шло. И каждый раз мы последовательно не видим, к чему все идет прямо сейчас.

Недавно мне довелось беседовать с историком и правозащитником Александром Черкасовым. Я собирала материал о преследовании адвокатов, и мы обсуждали, насколько нынешние российские репрессии напоминают советские. Пример за примером, и Черкасов постепенно развернул передо мной картину, от которой стало не по себе.

Простое перечисление фактов, фамилий, названий населенных пунктов – и становилось понятно, что репрессии в России, во время и после СССР, были всегда. Что диктатура – естественное состояние нашей страны.

Революция, гражданская война, Большой террор – тут все понятно. Но потом ведь была оттепель! Не совсем, возразил Черкасов. При Хрущеве по политическим статьям продолжали сажать тысячами. Но потом ведь был сытый застой, развитой социализм, ленивое царство всеобщей прокрастинации? Но пытки никуда не исчезли. В 1980-е политзаключенные продолжали умирать в лагерях. Черкасов вспоминает Сергея Ходоровича, которого пытали в тюрьме, Василия Стуса, Анатолия Марченко, умерших в заключении.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Россия в суперпозиции. Светлана Прокопьева – о точках смерти и жизни

Но потом ведь перестройка? А девяностые, когда страна наконец освободилась от коммунистической диктатуры? Да, бандитизм, но и свобода. Уверенный курс на демократию – как тогда представлялось.

В девяностые, напомнил мне Черкасов, была Первая чеченская война. Незаконные задержания, пытки, исчезновения людей, внесудебные расправы. Сергей Ковалев и "Мемориал" рассказывали об этом еще тогда. В 1996 году, когда начали готовить обмен пленных российских солдат на чеченских боевиков, выяснилось, что в картотеках МВД нет ни одного из тех, кого разыскивали родственники после задержания российскими силовиками в Чечне.

– То есть либо на обмен, либо в землю. В землю, – объяснил Черкасов.

Потом была Вторая чеченская война, снова тысячи исчезнувших.

– Просто в Чечне тогда были уже в десятом сезоне, а Россия тот сериал смотрела только первый-второй сезон, – сказал Черкасов.

В какой-то момент я не выдержала.

– Судя по тому, что вы рассказываете, у нас вообще не было периода относительно правового государства?

– Были... времена, когда зрение подводило, – ответил правозащитник.

Я замолчала так надолго, что он даже спросил, на связи ли я.

> **Любая предрешенность парализует**

Просто сложно было переварить. Если Гулаг не исчезал ни на мгновенье, то чем мы все, медиа, гражданские активисты, интеллигенция чертова, занимались все это время? Почему проснулись только в 2017 году вместе с делом "Сети"? Потому что даже ОВД "Дальний" в 2012 году казался диким эксцессом – а не обычным свойством системы. А тем более Чечня – "ну так это же Чечня!"... И вот теперь вся Россия – в собирательном смысле Чечня.

Любая предрешенность парализует. В картине, развернутой передо мной Черкасовым, не было места мелкой региональной журналистке, искренне верившей в формулировки Конституции. Писавшей наивные статьи о том, как невнимание чиновников к нуждам простых людей препятствует построению сильного демократического государства. Ерундой какой-то занималась эта журналистка – потому что нельзя построить демократическое государство в Гулаге.

Целый день после разговора я думала о том, как зрение подводило меня лично, и это была очень обидная и болезненная ревизия своей гражданской и профессиональной жизни.

А потом я вспомнила, что мне это напоминает. Сегодняшние объяснения неизбежности войны России с Украиной.

Таких довольно много сегодня. И я не про кремлевских аналитиков говорю. Уважаемые эксперты, работающие на Западе, уехавшие в эмиграцию после начала полномасштабного вторжения, выстраивают убедительную последовательность. Имперский комплекс, травма распада СССР, реваншизм, обида на Запад, расширение НАТО и болезненное восприятие этого процесса российскими элитами – все внутреннее устройство российского государства толкало его к внешней агрессии. Получается, что шаг за шагом Россия шла к этой войне (здесь удобно упомянуть и про ошибки Запада, попустительствовавшего и не замечавшего) и вот пришла, потому что не могла не прийти.

Но это, извините меня, чушь собачья. Не была эта война неизбежной.

У войны были причины. Но ни распад СССР, ни расширение НАТО, ни российский реваншизм не заставляли конкретных людей принимать решение о вторжении.

Я прекрасно помню всеобщий шок 24 февраля 2022 года. Лишь единицы особо прозорливых поняли накануне, что война случится. Большинство не могло поверить, даже читая первые сводки.

Потому что в массе своей россияне совершенно не собирались воевать с Украиной – собственно, поэтому им и не сказали, что теперь воюем. Им сказали: "специальная военная операция, Киев за три дня, гражданских вообще не коснется". Я до сих пор уверена, что на прямое и честное объявление войны Украине реакция в обществе была бы иной.

Обычные люди не жили в ожидании реванша за распад Советского Союза. Они строили карьеру, растили детей, открывали предприятия, занимались благотворительностью, боролись за свои права. Они не боялись НАТО. Они привыкли, что Украина – другая страна. Сосед, почти родственник – но отдельный субъект взаимоотношений.

Эта жизнь не была декорацией на фоне "настоящей" российской истории. Она тоже создавала институты, связи, общественные привычки – и собственные возможности будущего.

Признав сегодня неизбежность и предрешенность войны, мы как будто перечеркнем ту линию России, которая строила себя как нормальную современную страну. А ведь местами уже получалось.

Да, победил другой исторический сценарий. Но это не предрешенность. Это один конкретный выбор. И по-прежнему есть тот, кто его сделал, и кому за него отвечать – причем желательно на земном суде, где адвокаты как раз и будут рассказывать про "объективные исторические причины".

И все-таки Черкасов и его "зрение подводило" не дают мне покоя.

Есть существенная разница между "не вижу, потому что не знаю, куда смотреть" и "не хочу видеть, поэтому отвожу глаза" или "вижу, ну и что такого?".

Невозможно предъявлять претензии людям, которые хотели хорошего, старались поступать хорошо и честно не знали, что рядом творится плохое. Я помню свой личный шок от приказа № 00447, когда представление о государственном терроре вдруг обогатилось знанием про плановые показатели расстрелов. Для меня что-то сдвинулось в тот момент. Я действительно не знала.

Да, можно не знать. Так бывает. В огромном перенасыщенном информацией мире всегда что-то остается за кадром. Иногда это пытки в полиции, иногда исчезновения в Чечне. Иногда политические убийства. И вполне можно жить в системе, не предполагающей этого знания.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Цена за выбор быть собой. Светлана Прокопьева – о деле Льва Шлосберга

Другое дело, когда такое знание вторгается в твою картину мира. А ты продолжаешь жить так, будто ничего не поменялось. И только задним числом становится понятно, что именно менялось и в какую сторону.

Знание не обязывает к немедленному героизму. Иногда оно не дает ничего, кроме ощущения бессилия. Но нельзя развидеть зло и объявить его несущественным, чтобы спокойно строить дальше свое счастливое будущее.

Если история и способна чему-то научить, то, наверное, как раз вот этому: нельзя закрывать глаза.

У правозащитников, говоривших о пытках в тюрьмах и беспределе в Чечне, не было достаточной поддержки. Общество не сумело поставить беспредел в статус недопустимого. Беспредел победил.

> **“ Если история и способна чему-то научить, то как раз вот этому: нельзя закрывать глаза**

У политиков, заявлявших о недопустимости газового шантажа и прочего унижения Украины, не было широкой аудитории. Общество позволило своему государству занять позицию "старшего брата", имеющего право указывать соседу, что делать, куда идти, в какие союзы вступать. "СВО" логично вытекла из этого мнимого права.

Думаю, еще массу примеров таких привести можно. Мало ли в нашей жизни катастроф.

Мало ли чего еще мы не видели, или не хотели видеть, или видели, но не принимали всерьез. Или даже принимали, но ничего с этим не делали, потому что некогда, делом надо заниматься, страну свою строить.

А получается, что каждый такой компромисс – со своей совестью, идеалами, со своим представлением о прекрасном – тоже попадал в число стройматериалов. Это как вставлять трухлявые бревна в сруб вперемешку с целыми.

И меня теперь очень беспокоит вопрос: а на что мы не обращаем внимания сегодня? В каких моментах зрение нас подводит прямо сейчас?

Какие известные нам обстоятельства мы предпочитаем считать несущественными? Какие исключения делаем из собственных принципов? На что закрываем глаза, потому что увиденное слишком плохо вписывается в наше представление о правильном мире?

Мы не знаем, что будет через десять или двадцать лет. Какого рода будет следующая катастрофа. И какое объяснение найдут ей историки. Наверняка они обнаружат, что все к этому шло, что предупреждения были очевидны, что исход определился задолго до того, как мы его заметили.

И мы снова скажем, что все было предрешено. Забыв, как принимали эти самые решения.

Светлана Прокопьева

Псковский журналист, редактор и автор регионального сайта Радио Свобода Север.Реалии

Блоги | Мнения